

УДК 005.44

ГРАНИН Ю.Д.
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: «ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ» И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Аннотация. В статье раскрывается феномен глобализации, обсуждаются парадоксы современных трактовок глобализации, рассматриваются национальные формы глобальных стратегий.

Ключевые слова: история человечества, глобализация, вестернизация, глобальные стратегии, цивилизационные модели развития.

Гранін Ю.Д., доктор філософських наук, провідний науковий співробітник Інституту філософії РАН

ГЛОБАЛІЗАЦІЯ: «ВЕСТЕРНІЗАЦІЯ» І АЛЬТЕРНАТИВНІ ФОРМИ ГЛОБАЛЬНИХ СТРАТЕГІЙ

Анотація. У статті розкривається феномен глобалізації, обговорюються парадокси сучасних трактувань глобалізації, розглядаються національні форми глобальних стратегій.

Ключові слова: історія людства, глобалізація, вестернізація, глобальні стратегії, цивілізаційні моделі розвитку.

Granin Yu.D., Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of RAS

GLOBALIZATION: «WESTERNIZATION» AND ALTERNATIVE FORMS OF GLOBAL STRATEGIES

Abstract. The article examines the phenomenon of globalization, discusses the paradoxes of modern interpretations of globalization. The national forms of global strategies are considered.

Keywords: history of humanity, globalization, westernization, global strategy, civilizational development models.

На протяжении последних десятилетий проблема глобализации и ее последствий остается одной из самых дискуссионных. Казалось бы, формирование международных рынков, свободное движение капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование транс-, интер- и наднациональных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы в некую глобальную целостность – планетарную цивилизацию. Но пока глобализация не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для многих стран оборачиваются значительными потерями.

Набирающий силу процесс глобализации, с одной стороны, создает проблемы для дальнейшего существования национальных государств как наиболее распространенной институциональной формы общежития, а с другой – стимулирует рост их активности, вызывая защитную реакцию противодействия. В этой связи гиперглобалисты говорят о грядущем постнациональном государстве, сетевом обществе, глобальной империи или глобальной демократии. Антиглобалисты же заявляют, что национальное государство не исчерпало свой исторический ресурс и предрекают всплески активности национальных государств по самым разным направлениям.

В этом споре, изрядно приправленном политической риторикой, последнюю точку поставит будущее. В данной статье я попытаюсь показать, что основными субъектами современной глобализации, как и прежде, остаются национальные государства, вырабатывающие собственные формы глобальных стратегий на иной, незападной, цивилизационной основе. На теоретическом уровне решение этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единого взгляда на природу, форму, характер и направления эволюции процесса глобализации.

Парадоксы современных трактовок глобализации

Прежде всего подобные парадоксы объективно определены многоаспектностью и историзмом исследуемого феномена, а также отсутствием систематических междисциплинарных исследований, преодолевающих естественную ограниченность изучения глобализации в пределах одной научной дисциплины. Неслучайно сейчас теоретический образ глобализации как исторического феномена размыт и растащен по разным дисциплинарным «квартирам».

Экономисты фокусируют внимание на образовании глобальных рынков, наднациональных финансовых и экономических институтов, свободном движении капиталов и рабочей силы из страны в страну. Социологи традиционно связывают возникновение глобализации с появлением и развитием капитализма и имманентными

ему процессами модернизации. Политологи, акцентируя внимание на возникновении над- и межгосударственных политических образований, интерпретируют глобализацию как процесс качественного изменения характера международных отношений, мировой политики, субъектами которых наряду с национальными государствами становятся интергосударственные образования – ООН, ВТО, союзы государств (например, ЕЭС и СНГ), политические и военно-политические блоки (НАТО).

Существуют и более широкие подходы, своеобразие которых объективно обусловлено, с одной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира, а с другой – конкурентоспособностью различных традиционных концептуализаций истории человечества. Так, используя идеи универсального эволюционизма и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной научной картины мира, глобализацию истолковывают, например, как объективную эволюцию геобисоциосистемы [1, с. 407]. Или как целевую функцию нелинейного процесса самоорганизации социальной системы в суперсложный организм – мегасоциум, который, будучи представлен локальными социальными организмами (социумами), имеет идеальную программу жизненного цикла: проходит стадии зарождения, роста и умирания [2, с. 65, 66, 248, 250]. В этой новой парадигме глобализация интерпретируется как этап универсальной или глобальной истории, имеющей циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется в большинстве крупных работ, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте универсальной истории пока немного, и они неудачны. Причина кроется в метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, а также в неясности эпистемологического статуса как самой синергетики [3, с. 27, 31 – 33], так и концепции универсального эволюционизма. Эту концепцию считают «метафорой для обозначения традиционной философской проблемы и исследовательским проектом постнеоклассической науки, философские и научные основания которого еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются» [4, с. 93 – 94].

Поэтому большинство исследователей предпочитает работать в пределах традиционных – линейных и нелинейных – социологических толкований истории человечества, где глобализация понимается либо как одна из нескольких противостоящих друг другу тенденций истории, либо как одна результирующая тенденция исторического развития.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями, как локализация, национализация и регионализация, ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий... порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти» [5, с. 19]. Во втором случае тот же самый процесс изменения пространственно-временных характеристик и порядка экономических, политических, культурных и иных взаимодействий между народами и государствами интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности) [1].

На роль главных детерминантов процесса глобализации исследователи выбирают:

- развитие науки и техники – техносферы (техницистский подход);
- развитие экономической миросистемы (миросистемный подход);
- распространение мировых и локальных культур и цивилизаций (социокультурный подход);
- модернизацию обществ по линиям «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе западной модели развития. Экспансия этой модели разделила мир на развитый «центр» и отсталую «периферию», вынужденно осваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации. Ее первый этап обычно относят к «долгому XVI в.» (И. Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами. Второй – к XIX столетию, веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX в., эпохе научно-технической революции и международных организаций.

Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции или Осевому времени. В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций» [6, с. 6].

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих наиболее распространенных трактовок и периодизаций глобализации. Большинство из них интерпретируют ее как некий спонтанный, самоподдерживающийся процесс, исходя из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. В то же время трактовки и периодизации будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как мегатенденцию к объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность. Последняя реализуется одновременно по всем указанным разделительным линиям и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь избегать абсолютизации и объективизма, лучшим лекарством от которых была и остается философия,

інтерпретируюча соціальну історію виду *homo sapiens* не як поле діяння неких безличних сил або систем, реалізуються поза спільної соціально організованої діяльності людей, а як процес, цілісність і єдність якого забезпечується співпрацям йому Свідомістю. В цьому соціально-філософському аспекті глобалізація не редукується до однієї з багатьох своїх сторін, а розглядається як складний історичний феномен, змінюючий від епохи до епохи зміст і форми.

Феномен глобалізації

Точка зору соціальної філософії, як і філософії історії, визначається таким підходом до історичного матеріалу, в межах якого історичні події вивчаються в контексті діалектико-діяльнісного єдності Бытия і Свідомості. Бытие об'єктивно і неперечно, але воно не дано нам крім наших власних, в тому числі інтелектуальних, зусиль. Вперше цей парадокс сформулював Рене Декарт в своєму знаменитому висловлюванні «*cogito ergo sum*», зміст якого в тому, що мислення якимсь-то глибинним способом співпрацяє Бытию і в тій або іншій мірі довіряє його для нас.

Внаслідок цієї інтуїції отримало визначення «діалектичне єдність онтології і гносеології». А в XVIII–XIX століттях зусиллями І. Канта, І. Фіхте, Г. Гегеля і К. Маркса була глибоко пророблена думка про історію як діяльнісний історичний єдність Бытия і Свідомості, в якому Свідомість, будучи тіснішим образом пов'язано з живильною його соціокультурною середовищем, активно бере участь в якісних змінах історичного процесу. При цьому сам історичний процес розумівся як соціально і культурно оформлена спільна (предметно-практична і духовна) діяльність зв'язаних в групи людей.

В контексті нашої теми це означає недопустимість вивчення глобалізації поза зв'язку з еволюцією інтересів (потребностей), світогляду і форм свідомості взаємодіючих просторово локалізованих суб'єктів історії, піддаються різноманітним трансформаціям і поглинанням. Відомою нам історія – це не тільки історія зовнішніх взаємодій і відносин (в тому числі панства і підкорення) між народами, державами і цивілізаціями, але і внутрішня історія виникнення, розвитку і зникнення цих народів і цивілізацій. Тільки будучи розчленованими скальпелем категоріального апарату теорії і абстраговані, вони існують як незалежні історії. Але в межах метадисциплінарного філософсько-методологічного синтезу, підкреслюючого діалектику внутрішнього і зовнішнього, соціального, політичного і культурного, одна без другої вони просто неможливі, як неможливо соціально-історичне існування складових людство індивідів.

Слідовательно, глобалізація може розглядатися як мегатенденція до єдності людства, втілена в діалектиці просторово-часових переміщень, взаємодій і трансформацій антропосоціальних, тобто культурно і політично пов'язаних, цілісностей. Таким чином, глобалізація – це не тільки поширення людей, артефактів, символів і інформації за межі регіонів і континентів, але і супутня і детермінуюча цей процес організація і реорганізація зовнішнього і внутрішнього соціального простору спільної життя інтегрованих в соціуми (роди, племена, етноси, нації) індивідів. Відповідно, джерелами і рушійними силами глобалізаційних процесів стають потреби (інтереси) єдиних в соціальні цілісності людей, неможливість задоволення яких в локальному ареалі існування стимулювала їх поширення за межі регіонів і континентів. Це поширення, незважаючи на постійну боротьбу за ресурси, супроводжувалося встановленням цінностей, норм і інститутів спільної життя.

Подібне розуміння глобалізації – предельно загальне, але не порожня абстракція, використання якої в дисциплінарних дослідженнях здатно нейтралізувати представлення про бессуб'єктності цього явища і хоча б частково усунути практично повсюдне свідчення глобалізації до економічної, політичної або будь-якої іншої складової історичного процесу.

Глобалізація як мегатенденція історії людства, способом реалізації якої є предметно-практична і духовна життєдіяльність індивідів, інтегрованих в соціокультурно, економічно і політично різні антропологічні цілісності, реалізується во всем спектрі відносин між ними. Тому її можна розглядати як сукупність процесів економічної (торгової, фінансової, виробничої і др.), політичної (військової і дипломатичної) і/або культурної (релігійної, ідеологічної, науково-технічної і др.) глобалізації, здійснюваної з різною швидкістю, послідовністю і успіхом в різних місцях і в різні історичні епохи. Важливо не забувати про взаємозв'язок, просторово-часову динаміку і незавершеність цих процесів. Треба також враховувати, що в довготривалій історичній ретроспективі глобалізація завжди виступала як послідовність сосуцествуючих і змінюючих одна одну історичних форм. Джерелом цих форм зазвичай була просторова і супутня їй політична, економічна і культурна експансія виходячих на авансцену регіональної історії обществ, держав і цивілізацій. А змістом – зникнення, поглинання і/або трансформація зіштовхуються антропологічних цілісностей: зміна географічного масштабу і інфраструктури їх взаємодій. Останнє виражалося і виражається в збільшенні кількості і тривалості транспортних, торгово-економічних, політичних і інформаційно-культурних мереж і комунікацій. В результаті – і це також елемент змісту глобалізації – відбувалося формування всякий раз по-іншому організованого, але постійно розширюючого загального зовнішнього і внутрішнього соціального простору спільної життя.

Можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и преемственностью Бытия и Сознания образующих ее антропологических целостностей. Рассмотрим основные этапы этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на социальных и политических компонентах.

Смещения центров мирового развития в процессе глобализации

В зависимости от исходных трактовок могут быть построены самые разные исторические периодизации и соответствующие им исторические формы глобализации. Ее началом можно считать глубокое прошлое – времена распространения по Земле биологического вида *homo sapiens*. Начиная с неолитической революции, вся известная нам история вида *homo sapiens* – это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство – территории проживания и сосредоточенные на этих территориях ресурсы. Удержать их на долгий период времени победители могли, лишь организовав общее экономическое и политическое пространство совместной жизни для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных норм общежития. Так возникали ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства, в пределах которых сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной бюрократии осуществлялись ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно гомогенные социальные целостности. Так появлялись территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в общества (племена, союзы племён, этносы и нации) группы людей, эмоционально, символически и концептуально идентифицирующие себя как единое целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение носило характер военных и колониальных экспансий, следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни.

В чем, например, всемирно-историческое значение образования империи Александра Македонского и великой Римской империи? Прежде всего в том, что они способствовали распространению великой грекоримской культуры на огромных пространствах Ойкумены, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех этносов и народов государственную надэтническую идеологию и единые законы совместного проживания. Точно также и великое Московское царство, колонизируя в XV – XVIII столетиях земли за Волгой и за Уралом, выполняло, по сути, ту же цивилизаторскую миссию, реализовывало римскую идею «единого пространства» и единых «прав гражданина (подданного)» в Евразии. В данном случае неважно, чей юридический кодекс – римский или московский – был лучше. Важно, что превращение десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей в «граждан» или «подданных» одного государства создавало возможность для сосуществования и взаимообогащения различных культур и религий, для нормальной хозяйственной жизни, научного и технического прогресса. То же самое можно сказать и о колонизации Америки, Азии и Африки европейскими национальными государствами (демократическими империями) в XVII-XIX столетиях.

Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми аккультурациями, символическим насилием, вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного населения покоренных территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус мировых ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрение, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным. Идея человечества и его антропобиологического единства становилась субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение человечества в глобальную целостность – философски и политически фундированным проектом, получившим, спустя тысячелетия после учений основоположников мировоззрения космополитизма киников, монархической панэллинской доктрине Исократы, Ксенофонта и Аристотеля, артикулированное воплощение в концепциях И. Канта и К. Маркса.

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием интеграции внутри больших и малых культурно разных социумов и между ними. Конкуренция, возникавшая между ними, неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо к распадам прежних целостностей, влекущих за собой очередную реконфигурацию международного пространства отношений между интегрированными в социумы индивидами.

По сути дела социально-политическая история глобализации – это история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй.

Этот процесс связал человечество не только силой государственных форм территориального контроля. Были также созданы новые «анонимные» системы власти – транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс,

связанный с чередующимися попытками объединения народов (имеющих свою временную протяженность и географический масштаб) на тех или иных территориях планеты.

В контексте нашего исследования последнее обстоятельство имеет принципиальное значение: оно подчеркивает ограниченность построения западочентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из них. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий, сопутствующим ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к возникновению капиталистической миросистемы и последующей вестернизации мира.

Именно вестернизация, считают авторы этих концепций, – единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и в обозримом будущем. Но это не так, поскольку «центр» и «периферия» постоянно менялись местами, а история человечества даже в Евразии никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития.

История – не линейный процесс, а результат взаимодействия и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития – людей, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно, и глобализация как одна из тенденций истории была и остается результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев становилась империя. Именно империи были мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, сменяя друг друга в качестве лидеров, на просторах Евразии формировались и развивались китайская, индийская, эллино-македонская, римская, арабо-мусульманская, западноевропейская и евроатлантическая формы глобализации.

По справедливому замечанию А.Г. Франка, «перемещение центра мира – колебательный процесс, отмеченный сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии» [7, с. 1]. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования А. Янга, Э. Левинаса, Э.Д. Саида и др. ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что, начиная с XII в. н.э. и вплоть до середины XVIII столетия, центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса (до XV в.) была Азия.

Крупнейшие азиатские империи значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, культурным и политическим влиянием [7, с. 123–127]. Уже в XI столетии уровень образованности населения в средневековом Китае был довольно высок (20–30%), значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. В военных целях использовался порох. Даже производство чугуна базировалось на передовой технологии (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии лишь 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. В Китае существовали разветвленная транспортная сеть и развитая финансовая система. К XIV в. в стране имелись многие предпосылки промышленной революции, которая происходила в Англии в конце XVIII в. Это была, как полагают исследователи, относительно развитая рыночная экономика, формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, благодаря чему могли существовать гигантские города с многомиллионным населением.

Тем не менее, в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза традиционному мировоззрению и культуре [2], а также с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах и многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI века, глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй Центральной и Юго-Восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. С тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого Османами исламского мира, последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволило им расширить свое присутствие в Америке, Азии и Африке.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой периферии и полупериферии? Конкретный ответ на этот вопрос в значительной мере зависит от того, удастся ли незападным странам, приспособившись к нынешней, скроенной по американским лекалам, вестернизации, выработать собственные национально-государственные формы глобальных стратегий.

Национальные формы глобальных стратегий

Обсуждая этот вопрос, многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами – со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях научно-технического прогресса либо с формированием правовой базы глобализации для установления действительного

равноправия всех участников глобализационного процесса или, например, с сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе. Последние два предположения носят утопический характер, зато национальные формы глобальных стратегий, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям Международного валютного фонда (МВФ), Всемирной торговой организации (ВТО) и других институтов международного неоллиберализма, вполне реальны. Взамен предлагается признать приоритет национальных интересов, модернизацию экономики, опирающуюся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и национальных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными – от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они осуществили технологическую революцию [8, с. 32–41].

По такому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Их успехи в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который начал осваивать хозяйственные и технологические системы Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых ученых, Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты ... Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское» [9, с. 18].

Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, в то же время отстаивая в ходе обсуждения условий собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут стать орудием для самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля над качеством импортных товаров и др.).

В 2010 г. Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост; в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются.

Таким образом, у китайцев явно есть, чему поучиться, – прежде всего тому, как отстаивать национальные интересы. Для руководства этой страны поиск более выгодных условий на международном рынке менее важен, чем участие в создании правил игры на этом рынке. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что в 2010 году Китай по уровню ежегодного привлечения ПИИ обогнал США. Правда, за 2012 год приток прямых иностранных инвестиций составил \$111,72 млрд., что на 3,7% меньше, чем в предыдущем году. Это первое сокращение показателя за три года. И тем не менее объем ППИ в Китае остается весьма значительным.

Секрет успеха кроется в сохранении роли государства в экономике, которая особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаниями мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана с государствами Юго-Восточной Азии, оказавшимися в кризисе. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате получилось, что лидеры модернизации – «азиатские тигры» – оказались менее привлекательными партнерами для мировых транснациональных корпорации (ТНК), а Китай, напротив, интересен, именно вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, они заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на «китаизацию» продукции, что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвастаться другие страны полупериферии. Зато в 2013 году вектор потока ППИ сместился из Китая в Малайзию и Сингапур.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель модернизации. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью.

Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е годы к отказу от системы контроля над импортом, над притоком иностранного капитала и к отказу от ограничения (либерализации) деятельности ТНК. Индийские лидеры того времени, в отличие от китайских руководителей, усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае, благодаря политике регулируемого государством рынка, развитие экономики само привлекало внешний капитал. В результате в 1980–1990-е годы уровень экономического развития Индии изменился мало. ПИИ не оправдали надежд, рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справиться с проблемой массовой нищеты, тяжелым грузом висящей на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е годы лишь усугубили положение, причем не только наиболее обездоленных слоев, но и в целом бедной части населения.

Стоит упомянуть, что в первое десятилетие XXI в. экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателя Китая в 9,1%, Индия с тех пор постоянно замедляет развитие. В 2010 г. темпы роста снизились до 8,8%, в 2011 – до 7,1%, а прогноз на 2013 г. ведущих мировых рейтинговых агентств оказался ниже 6%. Standard and Poor's, например, снизило прогнозные оценки темпов экономического роста Индии в 2013 г. с 6,5% до 5,5%. Индия не только не сумела обогнать по этому показателю Китай, она снова отстает от него более чем на 3%. А поскольку по показателям ВВП на душу населения Индия уступает КНР больше, чем в два раза, замедление экономического роста становится для Индии капитальной проблемой.

В то же время глобализация не принесла Индии серьезных социально-политических потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. В индийском обществе преобладает мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами. Глобализация не рассматривается как одномерный процесс, считается, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Как отмечают многие исследователи, в Индии есть согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка, в результате чего позиции национального капитала продолжали укрепляться. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России, реформы шли без скачков и разрушений. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, а разумное сосредоточение на собственных проблемах, некоторые из которых удалось успешно решить. Все это свидетельствует об оригинальности индийской национальной стратегии модернизации.

Другие страны, скорее, приспосабливаются к процессу глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это получается успешно, в частности, у аравийских монархий, у других – например, у стран Тропической Африки к югу от Сахары – не получается совсем. Причины этого – в меньшей степени – связаны с национально-культурными особенностями, в большей – с тем, что ресурсы этих государств востребованы глобальной экономикой.

Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. Все три государства выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Так или иначе, и перед Россией, и перед Индией, и Китаем, и перед другими странами стоит задача освобождения из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий. Основой таких стратегий способны стать отказ от неолиберальных догм, укрепление суверенитета и роли государства как инструментов решения глобальных проблем.

Сможет ли Россия создать альтернативную модель модернизации на собственной цивилизационной основе? Учитывая, что в течение последних столетий Россия несколько раз утрачивала цивилизационную идентичность, до этого еще далеко. Не радуется и политика руководства страны в области модернизации экономики, развития науки и образования. Сравнение с тем же Китаем явно не в пользу России. По разным данным расходы на науку в Китае в течение десяти лет подряд стабильно росли примерно на 20% ежегодно. Результаты этих усилий отражаются в стремительном росте таких ключевых показателей, как доля ВВП, выделяемая на науку и образование, число выпускников высших учебных заведений и производство наукоемкой продукции. Никаких признаков замедления роста пока не наблюдается. Китай уже догнал США по количеству научных работников: в обеих странах сегодня работают почти по 1,5 млн ученых. Примерно столько же – во всех государствах Евросоюза. Быстро увеличивается число ученых во многих других восточноазиатских странах, особенно в Южной Корее, Тайване и Сингапуре [10, с. 407].

В России, напротив, наблюдается сокращение количества ученых. Как отмечает академик Рогов, занятость в научном секторе в России в 1992 – 2011 гг. уменьшилась в 2,5 раза – с 1943 тыс. человек до 735 тыс., а количество исследователей – почти в 3 раза (с 992 тыс. человек до 374 тыс.). И процесс сокращения занятых научными исследованиями и разработками продолжается [11]. В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9%, а в России снижается на 2%. Расходы на научно-техническое развитие остаются на прежнем, явно недостаточном уровне. Восстановление и эффективное использование человеческого потенциала России, широкомасштабные инвестиции не столько в добывающую промышленность, сколько в современные технологии, науку и образование – чрезвычайно актуальные задачи для страны.

Список используемых источников

1. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. 2005.
2. Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М. 2002.
3. Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 2006. № 9.
4. Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Философские науки. 2006. № 7.
5. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М. 2004.
6. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М. 2003.
7. Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles. 1998.
8. Федотова В.Г. Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. №9.
9. Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5.
10. Mervis J. Trends Document China's Prowess // Science. 2010. №3, V. 327.
11. Рогов С.М. Новая шоковая терапия и «реформа РАН»: реалии российской науки // Перспективы (URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=243808>).

Статья надійшла до редакції 01.04.2014